

*Ли и Сэди,
Лучшие вещи в вашей жизни не появятся просто так.
Они всегда будут иметь свою цену.
Но, в идеале (ради меня), они никак не будут связаны
с маленькими самолетами*

Пролог

15 ноября, 1993

Анкоридж, Аляска

Рен ставит два темно-синих чемодана рядом с коляской, затем прикуривает сигарету, шатко сидящую между его губами, и делает долгую, медленную затяжку. Он выпускает дым в холодный воздух.

— Только эти?

— И сумка с пеленками.

Я вдыхаю мускусный запах. Всегда ненавидела табачную вонь. И до сих пор ненавижу, за исключением тех случаев, когда она исходит от Рена.

— Точно. Пойду схожу за ней, — говорит он, бросая окурок на заснеженную землю и раздавливая его ботинком.

Рен дышит на свои сжатые вместе мозолистые ладони, пока спешит, сторбив плечи, обратно на площадку, где «Цессна»*, доставившая нас сюда, ожидает часового перелета домой.

Я молча наблюдаю за происходящим, ежась на ледяном ветру в своем плюшевом, набитом пухом пальто, и яростно сдерживаю обиду, которую вынашиваю уже несколько месяцев. Если я перестану это делать, меня

* Американский легкий самолет, выпускаемый одноименной компанией.

быстро захлестнет боль разочарования и предстоящей потери, и я не смогу пройти через то, что мне предстоит.

Рен возвращается и ставит увесистую красную сумку на асфальт как раз в тот момент, когда за моими вещами подбегает носильщик. Они обмениваются любезностями, будто это обычная доставка пассажиров, прежде чем носильщик уносит мои вещи.

Мы остаемся в напряженном молчании.

— Итак, во сколько ты прилетаешь? — наконец спрашивает Рен, почесывая неизменную коричневую щетину на подбородке.

— Завтра в полдень. По времени Торонто.

Я молюсь, чтобы Калла выдержала десять часов пути. Хотя ее срыв мог бы отвлечь меня от своего собственного. По крайней мере, следующий самолет будет солидным, в отличие от тех крошечных штукосовин, на которых настаивает Рен. Боже, как я вообще могла подумать, что выйти замуж за убежденного пилота легких воздушных судов — хорошая идея?

Рен кивает сам себе, а затем берет нашу сонную дочь из коляски на руки.

— А ты? Готова к своему первому путешествию на большом самолете?

От его широкой улыбки, обращенной к дочери, у меня замирает сердце.

В сотый раз я задаюсь вопросом, не поступаю ли как эгоистка. Должна ли я стиснуть зубы и терпеть страдания, изоляцию Аляски? В конце концов, я сама застелила постель, из которой теперь бегу. Мой отец не преминул напомнить мне об этом, когда я призналась родителям, что жизнь с Реном не так романтична, как я себя убеждала. Когда поняла, что за последний год плакала по меньшей мере раз в день, особенно во времена мучительно долгой, холодной, темной зимы, когда мало дневного света. И что я ненавижу жить в последнем великом американском фронтире; что жажду быть ближе к семье

и друзьям, к городской суете моего детства. К моей собственной стране.

На лбу Рена появляется глубокая морщина, когда он целует в нос нашу счастливую, забывчивую семнадцатимесячную малышку и ставит ее на землю. Она с трудом передвигается, ее коренастое тельце обтянуто толстым розовым зимним комбинезоном, который защищает от ледяного ветра.

— Ты же знаешь, что не обязана улетать, Сюзан.

Так же быстро, как размякла, я снова затвердела.

— И что? Остаться здесь и быть несчастной? Сидеть дома с Каллой под лампой дневного света и ждать тебя, пока ты рискуешь жизнью ради кучки незнакомцев? Я больше так не могу, Рен. Каждый день тяжелее предыдущего.

Сначала я думала, что это послеродовая депрессия, но после месяцев полетов туда-сюда в Анкоридж только для того, чтобы поговорить с психотерапевтом и получить рецепт на антидепрессанты, которые делали меня вялой и не больше, я смирилась с тем, что гормоны тут ни при чем. А я-то, выросшая в Торонто, наивно полагала, что зимы на Аляске можно пережить. Что брак с любовью всей моей жизни перевесит любые трудности, в том числе трудности наличия мужа, чьи шансы умереть на работе в любой день тревожно высоки. Что моего обожания этого человека — и притяжения между нами — будет достаточно, чтобы преодолеть все, что Аляска взвалит на меня.

Рен засовывает руки в карманы своего пухового жилета в темно-синюю клетку и сосредотачивает внимание на огромном зеленом помпоне, украшающем вязаную шапочку Каллы.

— Ты хотя бы рассматривал возможность прилететь на Рождество? — осмеливаюсь спросить я, делая последнюю попытку.

— Я не могу взять столько отгулов, ты же знаешь.

— Рен, ты владелец компании!

Я вскидываю руку в сторону самолета, на котором Рен привез нас в Анкоридж, к логотипу «Дикая Аляска» на корпусе. И есть множество других самолетов с такой же эмблемой. Все они относятся к семейному бизнесу Флетчеров — чартерной компании, оставленной Рену после смерти его отца пять лет назад.

— Ты можешь делать все что захочешь!

— Люди рассчитывают, что я буду здесь.

— Я твоя жена! Я тоже рассчитываю на тебя! Мы рассчитываем на тебя!

Мой голос срывается от эмоций.

Рен вздыхает и разглаживает морщины на лбу.

— Мы не можем продолжать ходить по кругу. Ты знала, когда выходила за меня замуж, что мой дом — Аляска. Ты не можешь сейчас просто передумать и ожидать, что я брошу всю свою жизнь.

Горячие слезы обжигают мои щеки. Я яростно смахиваю их прочь.

— А как же моя жизнь? Неужели в этих отношениях я единственная, кто готов чем-то жертвовать?

Я точно не планировала влюбляться в американского чартерного пилота, когда была в Ванкувере на девичнике, но я влюбилась, и с тех пор все заботы о наших отношениях легли на меня. Я стремилась к этому с безрассудным рвением безумно влюбленной женщины. Переехала через всю страну в Британскую Колумбию и поступила на программу обучения садоводству, чтобы стать ближе к Аляске. А затем, когда я узнала, что беременна, то бросила учебу и переехала в родной город Рена, чтобы мы могли пожениться и вместе растить нашего ребенка. Только вот большинство дней я чувствовала себя матерью-одиночкой, потому что Рен всегда в этом чертовом аэропорту, или в воздухе, или строит планы, связанные с этим.

А с чем остаюсь я? Остывший ужин, младенец, который постоянно просит: «Па-па», и эта негостеприимная субарктическая почва, на которой мне повезло выра-

тить сорняки. Я просто продолжала отдавать этому человеку все, не понимая, что теряю сама себя в процессе.

Рен смотрит мимо меня, наблюдая за грузовым самолетом, взлетающим из близлежащего международного аэропорта. Похоже, он отчаянно хочет вернуться в воздух, подальше от этой бесконечной борьбы.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Если возвращение в Торонто — это то, что тебе нужно, я не собираюсь тебя останавливать.

Рен прав, мы не можем продолжать в том же духе, особенно если он не хочет ничем жертвовать, чтобы удержать меня рядом. Но как он может вот так просто отпустить нас? Когда я сообщила, что у меня билет в один конец, он лишь хмыкнул. Но, опять же, я не должна была удивляться. Выражение чувств никогда не было одной из сильных сторон Рена. Однако чтобы он вот так просто прилетел сюда и поставил наши вещи на эту холодную, твердую землю...

Может, Рен не любит нас достаточно сильно.

Я надеюсь, что моя мама права и несколько месяцев без жены, которая готовит ему еду и греет постель, приведут к изменению его мировоззрения. Он поймет, что может летать на самолетах куда угодно, включая Торонто.

Он поймет, что не хочет жить без нас.

Я делаю глубокий вдох.

— Я должна идти.

Рен смотрит на меня острыми серыми глазами, теми самыми, что пленили меня четыре года назад. Если бы я знала, сколько душевной боли причинит мне этот суровый красавец, который сел рядом со мной в баре и заказал бутылку «Будвайзера»...

— Итак, думаю, увидимся, когда ты будешь готова вернуться домой.

В его голосе слышится редкая хрипотца, и это почти разрушает мою решимость.

Но я цепляюсь за одно слово, которое придает мне силы: «дом».

Вот и все: Аляска никогда не станет моим домом. Либо Рен действительно не видит этого, либо просто не хочет видеть.

Я сглатываю болезненный ком в горле.

— Калла, попрощайся с папой.

— Пока-пока, па-па.

Она сжимает ручку в варежке и одаривает папу зубастой ухмылкой.

Очевидно, что она счастлива, пока сердце ее матери разбивается.

Глава 1

26 июля, 2018

Этот калькулятор не мой.

Я горько улыбаюсь, просматривая содержимое картонной коробки — зубная щетка, зубная паста, спортивная одежда, пачка салфеток, супербольшой флакон «Адвила»*, косметичка с четырьмя губными помадами, лак для волос, щетка и шесть пар обуви, которые я держала под своим рабочим столом, — и обращаю внимание на дорогой настольный калькулятор. Я убедила своего менеджера, что он мне нужен, только в прошлом месяце. Сотрудник службы безопасности, которому было поручено убрать личные вещи с моего рабочего места, пока я была занята увольнением, очевидно, принял его за мою собственность. Возможно, потому что сверху несмываемым черным маркером на нем было нацарапано «Калла Флетчер» — попытка защиты от кражи со стороны моих хитрых коллег.

За этот калькулятор заплатил банк, но к черту их — оставляю его себе.

Я держусь за крошечный кусочек удовлетворения, которое дает мне это решение, пока вагон метрополитена проносится по туннелю линии Йонг и я смотрю мимо своего отражения в стекле в темноту. Я отчаянно пытаюсь игнорировать колючку, застрявшую в моем горле.

* Противовоспалительное и жаропонижающее средство.

В это время суток в Транспортной комиссии Торонто так тихо и просторно, что я даже смогла выбрать место. Не могу вспомнить, когда такое было в последний раз. Почти четыре года я втискивалась в забитые вагоны и задерживала дыхание от смешения запахов тел и постоянной толкотни, пока ехала на работу и с работы в адские часы пик.

Но сегодня я еду домой по-другому.

Сегодня я только вытряхнула и закончила смаковать последние капли латте из «Старбакса» — огромный стакан — и нажала кнопку сохранить в утренних файлах в Excel, когда в моем почтовом ящике появилось сообщение от босса с просьбой спуститься в зал Алгонкин. Я не стала долго раздумывать, схватила банан и блокнот и поплелась в небольшой конференц-зал на втором этаже.

Там я обнаружила не только своего начальника, но и его начальника, и Соню Фуэнтес из отдела кадров, которая держала между распухшими руками толстый манильский конверт с нацарапанным на нем моим именем.

Я села напротив них и тупо слушала, пока они по очереди произносили подготовленную речь: банк недавно внедрил новую систему, которая автоматизировала многие задачи в моей области аналитика по рискам, поэтому моя должность была ликвидирована; я образцовый сотрудник, и это ни в коей мере не является отражением моей работы; компания окажет мне всестороннюю поддержку во время «переходного периода».

Возможно, я единственный человек в истории, который съел целый банан, пока терял работу.

«Переход» должен был начаться немедленно. То есть мне не разрешили вернуться к своему столу, собрать вещи или попрощаться с коллегами. Меня должны были проводить к стойке охраны, как преступницу, и передать мои вещи в коробке, а затем указать на выход. Стан-

дартный протокол, когда увольняют сотрудников банка, по-видимому.

Четыре года я возилась с электронными таблицами до боли в глазах, целовала задницы самолюбивых трейдеров в надежде, что смогу рассчитывать на доброе слово при повышении, задерживалась допоздна, чтобы подменить других аналитиков по рискам, планировала мероприятия по тимбилдингу, не включающие в себя поношенные ботинки для боулинга и шведские столы с глутаматом натрия, и вот так просто все это обесценилось. После одной импровизированной пятнадцатиминутной встречи я официально стала безработной.

Я знала, что грядет внедрение автоматизированной системы. Я знала, что будут сокращать число аналитиков по рискам и перераспределять работу.

Но я по глупости убедилась, что я слишком ценна, чтобы оказаться среди уволенных.

Сколько еще голов упало сегодня?

Неужели только моя?

Боже мой. Что, если я единственная, кто потерял работу?

Я смаргиваю угрожающе нахлынувший поток слез, но нескольким все же удается вырваться. Быстрым движением я достаю из коробки салфетки и компактное зеркальце и начинаю аккуратно промакивать глаза, чтобы не размазать макияж.

Поезд метро останавливается с толчком, и несколько пассажиров входят в вагон, рассеиваясь внутри, как уличные кошки, чтобы занять место подальше от других. Все, кроме грузного мужчины в сапфирово-синей униформе. Он выбирает вишнево-красное сиденье наискосок от моего.

Я отвожу колени в сторону, чтобы они не терлись о бедро мужчины. Он поднимает смятый экземпляр жур-

нала NOW*, который кто-то бросил на сиденье рядом с ним, и начинает обмахиваться им, испутив тяжелый вздох с запахом пастрами.

— Может, мне стоит просто побыть здесь, внизу, где прохладно. Там, снаружи, при такой влажности, будет просто ужас, — бормочет он, ни к кому конкретно не обращаясь. Он вытирает ладонью бисеринки пота, стекающие вниз по лбу, кажется, не замечая исходящего от меня раздражения.

Я делаю вид, что не слышу его, потому что ни один здравомыслящий человек не ведет пустых разговоров в метро, и достаю телефон, чтобы перечитать сообщения, которыми мы с Кори обменялись ранее, когда я стояла в оцепенении на Фронт-стрит, пытаюсь осмыслить произошедшее.

«Меня только что уволили».

«Черт. Мне жаль».

«Мы можем встретиться за чашечкой кофе?»

«Не могу. Завален. Весь день с клиентами».

«Вечером?»

«Посмотрим. Позвонить тебе позже?»

Знак вопроса в конце говорит о том, что сейчас Кори не готов даже сделать быстрый телефонный звонок, чтобы успокоить свою девушку. Конечно, я знаю, что в последнее время он перегружен. Рекламное агентство, в котором Кори работает, заставляет его вкалывать круглые сутки, чтобы попытаться угодить их самому крупному и самому непокорному корпоративному клиенту, и Кори должен провести эту кампанию, возможно, тогда у него появится хоть малейшая надежда получить повышение, которого он добивается почти два года. За последние три недели я видела Кори всего два раза. Я не должна удивляться, что он не может просто бросить все и встретиться со мной.

* Бесплатная альтернативная еженедельная газета и онлайн-издание в Торонто.

Тем не менее мое разочарование разбухает.

— Знаешь, в такие дни мне хотелось бы быть женщиной. Вы, девушки, можете обойтись гораздо меньшим количеством одежды.

На этот раз потный мужчина обращается ко мне. И смотрит прямо на меня, на голые ноги, которые открыла его взору моя черная юбка-карандаш.

Я бросаю на него ровный взгляд, затем сжимаю бедра вместе и отодвигаюсь подальше, позволяя своим длинным волосам цвета корицы прикрыть часть лица.

Наконец, мужчина улавливает мое настроение.

— О, у вас был один из тех дней. — Он указывает на коробку с вещами на моих коленях. — Не волнуйтесь, вы не одиноки. За годы я видел немало людей, которые вот так выходили из офисных зданий.

На вид ему около пятидесяти лет, в его курчавых волосах больше седины, чем темного цвета, и они почти не растут на макушке. При беглом взгляде на его рубашку я замечаю ярлык с надписью «Уборщики Уильямсона». Он, должно быть, работает на одну из тех клининговых компаний, которые компании вроде моей нанимают по контракту. Я видела, когда работала допоздна, как эти уборщики неторопливо толкают свои тележки вдоль проходов в кабинки, стараясь не мешать сотрудникам во время опорожнения мусорных корзин.

— Я уволилась, — вру я, закрывая коробку крышкой, пряча ее от любопытных глаз. Рана, нанесенная моей гордости, еще слишком свежа, чтобы говорить об этом с совершенно незнакомыми людьми.

Мужчина улыбается так, словно мне не верит.

— Так чем ты занимаешься?

— Риск-аналитик в банке.

Почему я все еще ублажаю потребность этого человека в разговоре?

Он кивает, как будто точно знает, что это такое. Если бы вы спросили меня, что это такое, четыре года назад, когда я получала диплом в Университете Торон-

то, я бы не смогла вам ответить. Но я все равно обрадовалась, когда поступило предложение о работе. Это был мой первый шаг в качестве молодой женщины-специалиста, нижняя ступенька корпоративной лестницы в центре Торонто. Полуприличная зарплата с льготами и пенсией, работа в крупном банке. Множество галочек в графе «хорошая карьера», особенно для двадцатидвухлетней женщины, только что окончившей учебу и имеющей хорошие способности к математике.

Вскоре я поняла, что работа аналитиком рисков сводится к тому, чтобы вводить в ячейки электронных таблиц цифры и следить за тем, чтобы формулы выдавали именно те ответы, которые тебе нужны. Это просто мартышкин труд. Честно говоря, по большей части мне было скучно.

— Так почему же ты тогда уволилась?

— Я не увольнялась, — наконец признаюсь я с дрожащим вздохом. — Ну, знаете, реструктуризация.

— О, да. Я хорошо это знаю. — Мужчина делает паузу, пристально изучая меня. — Но тебе нравилась эта работа?

— А кто-нибудь вообще любит свою работу?

— Ты слишком молода, чтобы быть такой циничной. — Он усмехается. — Тебе хотя бы нравились люди, с которыми ты работала?

Я думаю о своей группе. Марк, мой микроманипулирующий босс с хроническим запахом кофе изо рта, который назначает встречи только для того, чтобы подтвердить свои намерения, и отмечает минуту, когда ты уходишь на обед, и минуту, когда ты возвращаешься за свой стол; и Тара, одержимый тип А, у которой нет жизни вне работы и которая проводит свои выходные, отправляя длинные письма с предложениями по улучшению процесса с заголовками «Срочно! Требуются действия», чтобы в понедельник утром они первым делом попали во все почтовые ящики. Радж и Аднан довольно милые, хотя они никогда не присоединялись выпить по-